

Подходила к концу вторая неделя моего пребывания в Израиле. Я уже многое успела увидеть в этой стране и только что вернулась после недельного отпуска из Эйла-та, так как предстоял 85-летний юбилей Ириной тёти – Беллы. Несмотря на довольно преклонный возраст, она жила одна в своей квартире. Недалеко от матери жила дочь Оля, и, хотя ей было далеко за 60, она всё ещё продолжала работать. Поэтому подготовка к юбилею легла на плечи Иры, а она, в свою очередь, попросила моей помощи. Оля составила меню, а нам оставалось всё закупить, приготовить и накрыть стол.

Был ещё один немаловажный момент: тёте Белле хотелось встретить день рождения в новом наряде, но платье подобрать ей было архисложно – нестандартная фигура (очень узкая спина и необыкновенно высокая грудь). Поэтому решено было купить блузку.

С визита в универмаг и начался этот день. Оглядев опытным взглядом юбилиаршу, продавец принёс в примерочную всего четыре блузки. Две первые застегнуть на груди так и не удалось. Третья блузка была свободна, даже несколько мешковата, да и растительный рисунок – зелёное поле, а по нему белые ромашки – для юбилея явно не подходил. Но тётя Белла отложила её и начала примерять последнюю. Это

была элегантная французская блузка кремового цвета, которая хорошо подчёркивала ещё достаточно стройную фигуру пожилой дамы и освежала лицо.

— Села как влитая, — сказал продавец.

— Нет, я возьму «ромашковое поле», — ответила именинница.

Мы с Ирой только в недоумении переглянулись.

Заехав на рынок и закупив продукты, вернулись домой. Довольная тётя Белла, напевая, помогала нам накрывать стол.

К шести часам всё было готово, а вскоре начали подходить гости. Юбилярша встречала их в новой блузке «ромашковое поле». Блузка была заправлена в длинную белую юбку прямого облегающего силуэта, из-под которой виднелись белые лакированные туфли на устойчивом среднем каблучке. На грудь был приколот букетик ромашек из нежнейшей шёлковой белой ткани. Совершенно седые волосы, расчёсанные на пробор и собранные на затылке в узел, завершали портрет именинницы. Я залюбовалась ею: сколько грации, достоинства, очарования и любви было в этой пожилой женщине. Она принимала подарки, выслушивала комплименты, благодарила гостей.

Раздался длинный звонок в дверь.

— Это Боря, — сказала тётя Белла, и на её щеках проступил румянец. Лёгким порывистым шагом она пошла открывать. Действительно, в дверном проёме с огромной корзиной белых роз стоял дядя Боря. Увидев виновницу торжества, он слегка покачал головой, поставил цветочную корзину на пол, подошёл к юбилярше, обнял её и сказал:

— Белла, я всегда знал, что ты — большая умница... Ты — мое ромашковое поле, дай мне преклонить тебе на грудь свою голову. Так они стояли несколько минут. Все гости притихли,

а точнее – стояла мёртвая тишина. И только слышны были тихие всхлипывания. Когда дядя Боря поднял голову, глаза его были красны от слёз. Он тихо сказал:

– На моей Родине под Анжеркой были поля, на которых цвели ромашки. Я на всю жизнь запомнил эту картину. Беллочка, сегодня ты подарила мне встречу с моей Родиной, моей юностью. Я тебя очень люблю и благодарю за это. Мы с тобой помним нашу Родину – Россию – и счастливы, что нам довелось родиться в этой великой стране.

Стояла тишина. Кто-то всхлипнул, видимо, вспомнив Родину. То, что говорил дядя Боря о полях ромашек под шахтерской Анжеркой, было сущей правдой. Ведь я была родом из этих мест и помнила эти поля. Сердце моё сжалось, ком подступил к горлу. Прикрыв лицо рукой, я быстро вышла в ванную комнату: слёзы душили меня, – настолько оказывается обострено чувство Родины в далёкой чужой стране...